

МОГУЧЕЕ половое советской прозы всегда питало нашу драматургию. Почти каждое по-настоящему значительное произведение получает самостоятельную жизнь на сцене, иногда обогащаясь красками театра, иногда что-то утрачивая, теряя. В орбиту драматургии вовлекаются все новые и новые писательские имена, эти дебюты становятся событиями — радостными, многообещающими. Не мог театр пройти мимо и творчества Валентина Распутина, который вошел в литературу самобытно, первоначально, по своему открывая вечную тему искусства — чудо человеческой жизни. Трудно выразить несколькими словами творческую сущность писателя. Живописуя людей, быт, нравы сибирской деревни, он идет к обобщениям — глубоким, выстраданным: отдай людям доброту, тепло сердца, постарайся жить достойно. Книги Распутина буквально обжигают жесткой, нещадной правдой, обращены к совести человеческой, заставляют остановиться, задуматься над собой, над жизнью.

«Пытаешься понять, каким образом все это было достигнуто, какой живой водой окроплено... Перебираешь сло-

театр

ЖИТЬ ДОСТОЙНО

Дебют Валентина Распутина в драматургии

В доме все деловито готовится к предстоящему событию: покупается вино — на поминки придет вся деревня, младшая, «городская» Люся, спешно шьет черное платье, надо надеть хотя бы на день, а потом можно отдать сестре Варваре: она то и дело с причитаниями заглядывает в соседнюю комнату — там в безмолвии, отрешении лежит мать. Все как-то неловко, смущенно чувствуют себя у последнего одра матери. Не от жалости, скорби, нет, старуха отжила свое, а от непривычности обстановки, затнувшегося ожидания конца. Эти часы и дни становятся точкой нравственного отсчета, испытанием души, тем спектром совести, к которому так человечно и страстно взывает автор.

Перед ликом смерти близкие, родные по крови братья и сестры вдруг оказываются

рову, но каждый отказывается — в испуге, смятении.

Кажется, испита последняя, самая горькая, капля, старуха хочет смерти, просит смерти — тихо, незлобно, перебирая в памяти самое сокровенное воспоминание: не приехала Танчур, надо пережить и эту последнюю боль, последнюю потерю. Снова и снова возвышенно, скорбно звучит хорал. Но миновала ночь, последняя утро, слышен привычный гомон пробуждающейся деревни. В отчаянном, мучительном усилии старуха поднимается, проходит через всю избу на крыльцо, навстречу восходящему солнцу. Здесь она видит Мирониху (эту роль играет В. Деметьева — какой могучей силой жизненной правды владеют артисты старшего поколения!), соседку, что всю жизнь прожила рядом, бок о бок — быть может, самого родного человека, с ней сколько угодно можно говорить, судачить, браниться. Мирониха целует руку, а Анна губами прижимается к ее голове — последняя ласка, прощание.

Этот день, в который Анна не имела права вступать, день, когда ей, казалось, «может открыться то, чего не знают при жизни», принес самое страшное. Люся, Варвара, Илья трусливо, наспех уезжают с первым парходом, и мать — в бессилии, мольбе, покорности — остается одна в лучах солнца, на фоне берез, остается, чтобы в ту же ночь умереть.

Так, не щадя читателя и зрителя, Распутин прослеживает меру добра и зла, заложенную в человеке, призывает к искуплению великой вины перед всеми, кто дал нам жизнь, выпестовал в заботах, горестях, тревогах, призывает к ответственности за ближнего, милосердию, человеколюбию.

Сцена не смогла вместить все многообразие, многоплановость прозы, богатство авторских раздумий и мыслей. У те-

соседа Харчевникова, что он дает для понимания, восприятия идеи произведения?

Спектакль «Последний срок» переживает период своего рождения, становления, постепенно обретает новые краски. В нем заложено бесконечно много искренних, выстраданных чувств, волнует прикосновение к правде жизни, живое общение с искусством.

«Деньги для Марии» — вторая пьеса В. Распутина — недавно поставлена в Пскове, в областном драматическом театре (постановка В. Бухарина, оформление А. Славина). Обращаясь к своей ранней повести, автор не пошел только по пути инсценирования, многое развил, обогатил: сложней и жизненней стал центральный образ Марии, введен новый персонаж Самара — заезжий балагур и весельчак с большими деньгами.

Здесь действие сразу начинается с напряженного, острого конфликта: в сельском магазинчике, где работает Мария, неожиданно обнаружена недостача. Она ничего не брала, нет ее вины, но нужны деньги, много денег, а иначе — суд, приговор. Беда Марии оборачивается испытанием не только для ее семьи, мужа Кузьмы, но и для других. Каждая встреча Кузьмы открывает что-то новое в его друзьях — доброту или скверность, нравственную силу или духовное оскудение.

Режиссер наполняет спектакль приметами деревенского быта, течение жизни обыденно, размеренно, и разве только щемящий звук гармоники выдает внутреннее напряжение. Режиссер выдвигает в спектакле на первый план актера — живи, ищи, действуй. Трудно и благодарно воплощать на сцене образы произведений Распутина, это проверка на правду существования на сцене — малейшая фальшь, наигрыш тут же себя выдают.

Правды Кузьма — И. Криворучко, глубоко затаивший свое горе, молчаливый, сохранивший гордость и веру в людей — помочь должник свои, не примет он денег от чужого. Бесконечно узнаваема и правдива Мария — М. Кириленко: тихо плачет, уткнувшись в подушку, и вдруг вырываются из сердца слова о жизни, надеждах, завтрашнем дне или вскрик: «Ты меня отдаешь!», когда Кузьма вынужден вернуть уже собранные деньги.

Разные люди, разные судьбы, у каждого своя правда, своя заповедь. У Степаниды (М. Горская) — в накопительстве, у деда Гордея (А. Ален-

«Последний срок». Мирониха — В. ДЕМЕТЬЕВА, Старуха — Н. ГУЛЯЕВА. Фото И. АЛЕКСАНДРОВА

ва, пытаюсь проникнуть в их удивительную тайну, заставляющую их звучать, пахнуть, светиться и волновать, — пишет Распутин о полюбившейся книге, но это авторское признание в полной мере может быть обращено к рассказам и повестям самого писателя с их исконно народной речью, взыскующей болью за человека, поисками цели и смысла бытия. Внутренний драматизм образов, обилие характеров, судьбы — все это во многом сопричастно, близко драматургии и театру.

Московский Художественный театр обратился к повести «Последний срок» — психологически сложной, не богатой внешними событиями, по сути даже не имеющей определенного сюжета. Бесхитростная история о том, как в деревню к умирающей старой матери приехали ее взрослые дети, приехали как бы на похороны, а мать при виде сыновей и дочерей чувствует себя лучше, и это становится проверкой, мериллом нравственных ценностей в человеке, проникнуто философскими раздумьями о жизни и смерти. Перенести такое на сцену нелегко, даже в авторской инсценировке. Режиссеру спектакля В. Богомолову и художнику А. Васильеву, очевидно, пришлось долго в поисках, творческом претворении определять контуры постановки, где должны быть сохранены и быт — каждая деталь любовно, тщательно выписана у автора; и нарастающие психологические конфликты; и то непередаваемое ощущение родства, слияния человека и природы, которое всегда присуще Распутину, является драгоценной особенностью его творчества.

Спектакль возникает поэтично и неторопливо — в отсветах берез, их стволы теряются в предутренней дымке, причудливым переплетением деревенского настила над сценой; в переликании петухов, возмещающих наступление нового дня. Когда станет чуть светлее, увидятся в избе потемневшая иконка в углу, около нее выцветшие фотографии, старенькое лоскутное одеяло. И сразу зазвучат незримые женские голоса, патетически просветленный хорал, тема матери, ее одиночества, прощания с жизнью (композитор Н. Молчанов).

чуждыми друг другу, равнодушными, эгоистичными. Это проявляется по-разному. Люся (Е. Королева) томится от скуки, от деревенского быта, от неутихающего раздражения — на всех, даже на маленькую Нинку (ее звонко и озорно играет такая же девочка Стелла Катыхшева). Ханжеские, нравоучительные тирады Люси — лишь прикрытые духовной черствости, безразличия, Варвара (Н. Ростовцева) постарше, жила трудно, безрадостно, многое испытали ее натруженные руки. Сейчас ей не терпится поскорее погослосить около матери, да так, чтобы слышала вся деревня.

Не похожи друг на друга и братья. Михаил (Г. Кочкожаров) — немногословный хозяин родных пажитей, пожалуй, только в нем можно ощутить любовь к матери, боль, тоску. Илья (В. Трошин), рано полсевший, видимо, неудачник, так и не нашедший свою стезю в жизни.

А старуха мать от нежданного счастья — близости детей — постепенно начинает оживать, ей хочется продлить эти дорогие мгновения. Медленно открываются глаза, и она долго всматривается, узнает знакомые лица, иссохшая рука хочет прикоснуться, погладить, приласкать. Память у Анны не затуманена от времени, она говорит, вспоминает. Ей нельзя умирать, пока не придет самая младшая, самая любимая — Таня-Танчур.

Удивительно цельный, правдивый характер создает Н. Гуляева — подлинно народный, отмеченный светом души, щедростью любящего сердца, мудростью прожитой жизни. Характер неожиданный для актрисы, до сих пор играющей роли молодых своевольных женщин и отнюдь не имеющей желания с ними расставаться. Характер, где достигнуты не только внешнее перевоплощение, органичность звучания своеобразной сибирской речи, но покоряющий прежде всего течением внутренней жизни, переживаниями сложными, горькими, мучительными.

Для Анны радость встреч очень скоро омрачится грубым, жестоким вторжением в ее просветленный, поэтический мир. Веря и не веря, с выражением растерянности и боли, она слушает, как бранятся ее дети, упрекая друг друга — ведь вызывали на похороны; как нарастает их гнев против Михаила, ведь тот предлагал брату, сестрам взять к себе мать, даже дает в придачу ко-

«Деньги для Марии». Мария — М. КИРИЛЕНКО, Кузьма — И. КРИВОРУЧКО, Витька — С. ГАВЛИЧ.

атра свои законы и возможности. В спектакле показаны уже сложившиеся характеры, нет наплывов — возврата к прошлому, к тому, что сделала мать для каждого из своих детей. Да и прожитая жизнь самой матери не показана во всем ее величии, мудрости, красоте.

Чтобы в какой-то мере возместить эти потери, вводится новый персонаж — от Автора (его текст читает П. Чернов), он не покидает сцену, как бы ведет внутренний монолог, рассказывает авторские отступления. Текст ведущего, насыщенный глубокими мыслями, призван возвысить, романтизировать сценическое действие.

Две ипостаси — быт и поэзия — определяют звучание постановки, они не всегда сливаются в единое целое, порой спектакль отяжелен лишними, малозначительными подробностями: нужен ли, например, длинный монолог опьяневшего

сеев) — в желании все отдать человеку, попавшему в беду, а для жизнерадостного Василия (В. Шубин) нет проблем — молча кладет на табурет деньги, завернутые в платок.

Но «делать хорошее, оказывать, не просто», говорит председатель (В. Порошин) — человек трудной судьбы, видевший много несправедливости. Даже ему не удается помочь: Кузьма так и не может собрать необходимую сумму. Спектакль, как и повесть, кончается на тревожной, волнующей ноте.

Девизом великого педагога В. Сухомлинского были слова: «Нельзя жить ни дня без тревоги за человека». И все творчество В. Распутина — это тревога за человека, это вера в человека, в конце концов в нем все хорошее, нравственное, доброе восторжествует.

Николай ПУТИНЦЕВ